DOI 10.15826/izv2.2020.22.1.002

УДК 94(3) + 321.15

Е. С. Зайцева

Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия

ИЗ РИМА В КОНСТАНТИНОПОЛЬ: СПЕЦИФИКА СЕНАТОРСКИХ ПОСОЛЬСТВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ V – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ VI в.

Статья посвящена проблеме взаимодействия варварских королевств Италии и Византии во второй половине V – первой половине VI в. Автор статьи рассматривает роль римской senatorской аристократии в дипломатическом общении западных правителей с византийским императором, вызванном как политической необходимостью, так и религиозными разногласиями в христианской церкви. Инициатива отправки в Константинополь senatorских посольств исходила от светских и церковных властей. Используя компаративный и историко-антропологический подходы, автор статьи анализирует цели и результаты пребывания римских сенаторов в Константинополе, а также причины, побудившие королей Одоакра и Теодориха привлекать аристократов к участию в посольствах. Исследование опирается на сообщения Прокопия Кесарийского, *Liber Pontificalis*, *Anonymus Valesianus*, а также письма римских пап. Делается вывод о том, что senatorские поездки на Восток в изучаемый период приобрели особое значение в связи с обострением церковных противоречий. Обсуждение на дипломатическом уровне религиозных вопросов заставляло проводить более тщательный отбор претендентов на роль представителей Запада на переговорах с императором. Послы времени правления королей Одоакра и Теодориха обладали высоким социальным статусом (титулами патриция, *caput senatus* и рангом *vir inlustis*), который признавался и на международной арене. Автор высказывает мнение, что решающими факторами при назначении сенаторов в качестве посланников Запада были, наряду с происхождением, их дипломатические способности, образованность и риторическая подготовка, которые давали им преимущество перед незнатными государственными и церковными служащими. Дополнительным аргументом для варварских королей выступала принадлежность римских нобилей к христианству в католическом исповедании.

К л ю ч е в ы е с л о в а: поздняя Античность; римская senatorская аристократия; дипломатические отношения; посольства в Константинополь; Юстин I; Анастасий I; Юстиниан I; Одоакр; Теодорих

Ц и т и р о в а н и е: Зайцева Е. С. Из Рима в Константинополь: специфика senatorских посольств второй половины V – первой половины VI в. DOI 10.15826/izv2.2020.22.1.002 // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2: Гуманитар. науки. 2020. Т. 22. № 1 (196). С. 29–42.

Поступила в редакцию 24.11.2019

Принята к печати 12.02.2020

Evgeniya S. Zaitseva

Ural Federal University
Yekaterinburg, Russia

**FROM ROME TO CONSTANTINOPLE:
PECULIARITIES OF SENATORIAL EMBASSIES
BETWEEN THE SECOND HALF OF THE 5th
AND FIRST HALF OF THE 6th CENTURIES**

This article concerns the interaction of the barbarian kingdoms of Italy and Constantinople between the second half of the 5th and first half of the 6th centuries. The author of the article considers the role of the Roman senatorial aristocracy in the diplomatic communication of Western rulers with the Byzantine emperor caused by both political necessity and religious differences in the Christian Church. The initiative to send senatorial embassies to Constantinople came from the secular and ecclesiastical authorities. Using the comparative and historical and anthropological approaches, the author of the article analyses the goals and results of the Roman senators' stay in Constantinople, as well as the reasons that prompted the *reges* Odoacer and Theodoric to involve aristocrats in embassies. The study is based on reports by Procopius of Caesarea, *Liber Pontificalis*, *Anonymus Valesianus*, as well as letters from the Popes. The author concludes that senatorial trips to the East during the period in question acquired special significance in connection with the aggravation of church contradictions. Discussion at the diplomatic level of religious issues led to a more thorough selection of applicants for the role of representatives of the West in negotiations with the emperor. The ambassadors under kings Odoacer and Theodoric had a high social status (titles of *patricius*, *caput senatus*, and rank of *vir inlustris*), which was also recognised on the international stage. The author puts forward an idea that the decisive factors in the appointment of senators as envoys of the West were, along with their origin, their diplomatic abilities, education, and rhetorical training, which gave them an advantage over the non-noble officeholders and church officials. An additional argument for the barbarian kings was the fact that Roman nobles were Catholics.

Key words: Late Antiquity; Roman senatorial aristocracy; diplomatic relations; embassies in Constantinople; Justin I; Anastasius I; Justinian I; Odoacer; Theodoric

For citation: Zaitseva, E. S. (2020). Iz Rima v Konstantinopol': spetsifika senatorskikh posol'stv vtoroi poloviny V — pervoi poloviny VI v. [From Rome to Constantinople: Peculiarities of Senatorial Embassies between the Second Half of the 5th and First Half of the 6th Centuries]. *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2: Humanities and Arts*, 22, 1 (196), 29–42. doi: 10.15826/izv2.2020.22.1.002

Submitted: 24.11.2019

Accepted: 12.02.2020

Введение

Вопрос о степени вовлеченности римской senatorской аристократии в международную политику в период поздней Античности, в том числе и во время правления в Италии королей Одоакра и Теодориха, нельзя назвать малоизученным. Мнения специалистов по этому поводу разнятся. Часть исследователей склонны полагать, что римские сенаторы еще в начале IV в. в значительной степени утратили возможность влиять на большую политику, которая вершилась на Западе. В историографии часто отмечается, что представители этого сословия сохранили доминирующее положение исключительно в политической жизни города Рима, оказавшегося с конца V в. под властью остготов, но не за его пределами. Они также продолжали контролировать управление в традиционно senatorских провинциях — Азии, Африке, Ахайе [Arnheim, p. 39–48; Jones, p. 525; Дворецкая; Шкаренков, с. 135–138]. Кроме того, отношения между сенатом и императорами в IV–V вв. были достаточно напряженными [Amm. Marc. XVI.10.1–21; Zos. IV.14.2–3; Humphries, p. 161–182]. Сенаторы по сути были исключены из сферы внешней политики, их взаимодействие с западным правителем ограничивалось исключительно сферой судебных разбирательств по поводу увлечения аристократов магическими практиками [Alföldi, p. 65–84; Thompson, p. 87–107; Lenski, p. 233–234].

Другая часть исследователей, особенно среди современных историков, считает, что сенаторов активно вовлекали в политику, когда дело касалось церковных вопросов. Аристократы, по их мнению, всегда были деятельными участниками международных отношений, как при западных императорах, так и при варварских правителях. Еще в IV в. сенаторы инициировали ряд посольств в Медиолан, где находилась императорская резиденция, под руководством Квинта Аврелия Симмаха для того, чтобы ходатайствовать о сохранении алтаря Победы в здании senatorской Курии [Ведешкин, с. 123–136]. В течение почти всей второй половины IV — начала V в. их усилия были сосредоточены на отстаивании алтаря, а значит, и возможности открыто придерживаться языческих культов. Религиозные проблемы заставляли римских аристократов контактировать не только с двором в Медиолане, но и с Константинополем [особенно см.: Mathisen, 2012; Gillett, p. 185–187, 200–202]. Принимая во внимание эту точку зрения, в данной статье мы рассмотрим вопрос, почему на таком стратегически важном для варварских правителей направлении внешней политики, как Константинополь, в самые ответственные посольства отправляли аристократов, а не чиновников или церковнослужителей, которые занимали подавляющее число государственных должностей и которые по долгу службы должны были выполнять и дипломатические поручения? Исследование ограничено второй половиной V в. — первой половиной VI в. — временем, когда аристократические посольства на Восток, принявшие регулярный характер, имели, помимо политических, также и религиозные цели — они были призваны урегулировать разногласия между восточной и западной церквями. События, известные как

Акакианская схизма, стали поводом для активного дипломатического взаимодействия Рима с Константинополем [Грацианский], в котором большую роль играла именно римская аристократия.

Социальные связи римских сенаторов с Константинополем

Несмотря на постоянные контакты с императором и тесные связи с Востоком на всем протяжении поздней Античности, римская аристократия не стремилась осесть в Константинополе. В частности, сенаторы не рассматривали назначения на должности на Востоке как привилегию. В целом, мы можем говорить лишь о незначительном проценте переселенцев с Запада, которые проживали в восточноримской столице, даже когда речь идет о IV в. [Чекалова, 2011].

В IV–V вв. римские сенаторы укрепляли отношения с восточными аристократами посредством матримониальных связей. Подобной политики, в частности, придерживались представители *gens Aniciorum*, которые заключали браки и создавали родственные связи не только с восточными аристократическими семьями, но и с императорами. Так, Аниция Юлиана [Martindale, 1980, p. 635–636, sv. Anicia Iuliana 3], известная в Константинополе патрикия и меценат, жена Ареобинда, была дочерью Аниция Олибрия [Ibid., p. 796–798, sv. Anicius Olybrius 6], ненадолго получившего императорский трон на Западе в 472 г., и Платидии, дочери императора Валентиниана III [Ibid., p. 635–636]. Благодаря этому браку западные Аниции оказались в родстве с восточным императорским домом и многими константинопольскими сенаторами [Чекалова, 2010, с. 149–151]. Однако матримониальные связи с константинопольской знатью имели значение и обладали социальным престижем лишь в те времена, когда восточные правители отличались таким же благородным происхождением (если можно так сказать о династии Константина [Barnes, 1981, p. 28–44]), как и западные сенаторы, или хотя бы претендовали на него. Со временем принадлежность к римским фамилиям потеряла для восточной аристократии свою притягательность.

Ко времени складывания в Италии варварских королевств социальные связи римских сенаторов с восточными знатными родами оказались нарушены. Сенаторы, давно переселившиеся в восточную столицу, не искали с ними контактов и воспринимали себя как самостоятельные фамилии. Они больше не стремились связать себя узами брака с римскими *gens*, поскольку их социальный статус зависел прежде всего от должностей, которые они получали от восточного императора. К тому же в Константинополе родство и дружеские отношения играли роль, только если они имели место внутри константинопольского сената [Чекалова, 2010, с. 144–151]. Около 20 высокопоставленных константинопольских семей, связанных друг с другом крепкими матримониальными узами, замкнулись внутри себя [Там же, с. 149–151]. Западные аристократы, оказавшиеся в восточной столице, не могли также рассчитывать на помощь и поддержку прежних знакомых — и Либерий [Martindale, 1980, p. 677–681, sv. Petrus Marcellinus Felix

Liberius 3], и Кассиодор [Martindale, 1980, p. 267–268, sv. Fl. Magnus Aurelius Cassiodorus Senator 4], бывшие высокопоставленные чиновники на Западе, но осевшие в первой половине VI в. в Константинополе, избегали встреч с прибывавшими визитерами из Рима [O'Donnell, 1979, p. 103–106; 1981, p. 66].

Так, последний римский консул Аниций Фауст Альбин Василий в январе 541 г. прибыл в Константинополь для того, чтобы принять консулат, но после вступления в должность не стал задерживаться в столице и вернулся в Италию, где у него были обширные связи [Cameron, Schauer, p. 130]. Вероятно, исполнение консулата западными сенаторами на Востоке было, в первую очередь, необходимо не им самим, а императору, который таким образом демонстрировал, что Италия все еще находится под его властью [Ibid.].

С другой стороны, сенаторы получили поддержку в Вечном городе со стороны *rex'a* Теодориха. Готский правитель осознавал идеологическую и политическую значимость Рима и сената, их исключительную роль в деле возрождения и укрепления Западной империи [Arnold] (так же, как и Юстиниан I, понимавший, что без *Urbis* идея *restauratio imperii* неполноценна). Получая привилегии и почет в Италии и не имея их в Константинополе, римские сенаторы по понятным причинам не стремились перебраться или надолго задержаться в столице Восточной Римской империи. Но это не означало, что они избегали контактов с Востоком. Источники сообщают о серии кратковременных поездок аристократов в Константинополь с дипломатическими целями, о которых далее и пойдет речь.

Сенаторские посольства в Константинополь в конце V — начале VI в.

В конце V — начале VI в. senatorские посольства в Константинополь стали регулярными. Очевидно, они не были равнозначны по своему статусу, целям и составу участников. А. Джиллетт отмечал, что эти миссии с трудом поддаются классификации, поскольку они редко имели одну-единственную цель [Gillett, p. 33]. Тем не менее, можно выделить так называемые, «внешнеполитические» посольства, направлявшиеся в Константинополь [Nechaeva, p. 88–91; Пикин, с. 42–43], которые мы и рассмотрим.

В дипломатических миссиях на Восток принимали участие не только аристократы, но и чиновники, имевшие ранг от *clarissimi* до *inlustrii*, а также епископы [Mathisen, 2012]. Но именно включение в их состав аристократов (особенно в ранге *patricii* и являвшихся *caput senatus*) придавало посольствам дополнительный вес и авторитет, что позволяло папам надеяться на более эффективный диалог с императором и византийскими правящими кругами, представители которых не могли похвастаться родовитостью. На знатных сенаторов возлагались самые ответственные миссии в Константинополь, требующие от посланников ораторского мастерства и навыков дипломатии, которыми те обладали благодаря классическому образованию. Так, Эннодий восхвалял будущего участника посольства на Восток Флавия Аниция Проба Фауста Нигера

за его красноречие, принесшее ему широкую известность [Ennod. *Paraenesis Didascalica*, p. 408].

Аристократов чаще всего привлекали к сложным по своим задачам посольствам, когда переговорщикам предстояло самостоятельно принять ситуативное решение. Церковнослужителям и чиновникам, которым недоставало опыта в таких делах и должного авторитета, поручались более простые дипломатические задания. Так, Родан [Martindale, 1980, p. 945–946, sv. Rodanus 1 или Rodanus II], *domesticus* у иллистрия Аспарация, был привлечен папой Львом только для того, чтобы передать короткое послание Юлиану Косскому, хотя, как отмечает в этом письме сам папа, Родан был в состоянии прокомментировать записи [Leo. Ep. 125, p. 1068–1069]. Задачей другого чиновника средней руки — комита Пансофия — было лишь передать письмо, касающееся Евтихия, Флавиану Константинопольскому [Martindale, 1980, p. 829, sv. Pansophius]. В январе 476 г. патриций Латин [Ibid., p. 657, sv. Latinus] и спектакль Мадузий [Ibid., p. 699, sv. Madusius] были отправлены папой Симплицием на Восток, чтобы доставить послание константинопольскому епископу Акакию [Coll. Avell. 57]. Таким образом, посланники с невысоким социальным статусом выполняли преимущественно несложные поручения, но и они должны были обладать определенными навыками, поскольку в случае перехвата им следовало уничтожить бумаги, предварительно запомнив их содержание [Leo. Ep. 125, p. 1069].

Обратимся к анализу сенаторских миссий. Первое посольство, призванное урегулировать доктринальные противоречия между Востоком и Западом, спровоцированные непризнанием на Западе тезисов «Энотикона» императора Зенона, состоялось в 483 г. *Vir inlustris, magister officiorum et consiliarius* Одоакра Андромакх [Martindale, 1980, p. 89, sv. Andromachus 3] вел переговоры с константинопольским патриархом Акакием, пытаясь наиболее выгодным для Запада образом разрешить этот вопрос. Кроме того, перед Андромакхом стояла и политическая задача — представить Одоакра в качестве равной восточному императору политической фигуры.

Идентификация Андромакха, отправившегося в посольство, вызывает определенные сложности. В источниках встречаются упоминания о двух Андромакхах — один являлся участником посольства в Константинополь [Gelas. Ep. 10], другой был обвинен папой Геласием в возрождении в Риме языческих обрядов, связанных с Луперкалиями [Coll. Avell. 100]. Неясно, являлись ли эти Андромакхи одним и тем же человеком, но если это так, то можно сделать важный вывод о принципах отбора кандидатов в посланники из числа сенаторов. Варварские короли, формируя состав посольства, отбирали доверенных лиц не по «чистоте» веры, а по их дипломатическим способностям, что говорит о смешении политической и переговорной целей миссии.

Еще одно сенаторское посольство на Восток состоялось в 492–494 гг. В нем участвовали Аниций Проб Фауст Нигер [Martindale, 1980, p. 454–456, sv. Fl. Anicius Probus Faustus iunior Niger 9] и сенатор Иреней [Ibid., p. 625, sv. Irenaeus 4;

Шкаренков, с. 166–167], задачей которых было информировать императора о решении, принятом еще в 484 г. — об отречении от церкви константинопольского патриарха Акакия, но при этом и сохранить расположение императора Анастасия [Gelas, Ep. 10]. Для выполнения такой непростой задачи *rex* Теодорих, по-видимому, выбрал наиболее подходящую из возможных кандидатуру. Аниций Проб Фауст Нигер, как видно по его патрониму, принадлежал к *gens Aniciorum*. Его отцом был Геннадий Авиен, один из самых влиятельных аристократов второй половины V в. Сам Фауст к 492 г. дослужился до должности *magister officiorum* на Западе. Хотя эта должность в V в. уже не предполагала серьезных властных полномочий на государственном уровне, она давала возможность, во-первых, находиться при дворе правителя в Равенне и руководить жизнью дворца, во-вторых, входить в состав комитата [Шкаренков, с. 144–145]. Фауст отправился в посольство, как только получил это назначение. Про его спутника Иренея не известно ничего, кроме его титула, — *vir inlustris*. Очевидно, главным действующим лицом миссии был именно Аниций Проб Фауст Нигер. Вероятно, такое назначение Фауст получил не только потому, что был *magister officiorum*. Эннодий восхваляет этого аристократа и его брата Авиена как «счастье нашего века и латинское течение языка» (*saeculi nostri beatitudinem et Latiaris flumen eloqii*) [Ennod. Paraenesis Didascalica, p. 408]. По-видимому, именно красноречие, владение приемами риторики, в совокупности с высокой политической должностью, которую занимал Фауст и которая придавала авторитет всему посольству, были важными причинами выбора Теодориха.

Флавий Руфий Постумий Фест, *patricius, caput senatus*, консул 472 г. [Martindale, 1980, p. 467–469, sv. Fl. Rufius Postumius Festus 5] возглавил посольство 497–498 гг.¹ Он отправился в Константинополь и смог добиться признания императором Анастасием Теодориха как правителя Италии взамен на признание постулатов «Энотикона» Зенона (что, впрочем, удалось сделать лишь с третьего раза) [Theod. Lect. Epit. II, p. 16–17]. Благодаря этому посольству и, в частности, Фесту Теодориху удалось вернуть в Рим инсигнии, отправленные в Константинополь Одоакром: «Когда [Теодорих] с помощью Феста мир с императором Анастасием относительно получения власти заключил и возвратил все дворцовые украшения, которые Одоакр переправил в Константинополь» (*facta pace cum Anastasio imperatore, per Festum de praesumptione regni, et omnia ornamenta palatii, quae Odovacer Constantinopolim transmiserat, remittit*) [Anon. Val. XII.64]. Вероятно, это стало возможным благодаря уступкам в религиозных вопросах и дипломатическому таланту Феста, поскольку, как свидетельствует Федор Анагност, «Фест тайно пообещал императору, что он убедит римского епископа признать и подписать “Энотикон” Зенона. Однако вернувшись в Рим, он обнаружил, что епископ Анастасий уже скончался, поэтому [Фест] приложил усилия, чтобы [новый римский папа] даже под угрозой раскола подписал

¹ Впервые он участвовал в посольстве еще в 490 г. Однако миссия, имевшая ту же цель, сорвалась из-за смерти императора Зенона [Anon. Val. XI.53; XII.57].

требуемый [“Энотикон”]» [Theod. Lect. Epit. II, p. 16–17]. Свои способности Фест проявил и по возвращении в Рим в 498 г. — с помощью взятки он пытался утвердить Лаврентия в качестве преемника папы Анастасия [Theod. Lect. Epit. II, p. 17]. Упомянутый выше Фауст Проб Нигер также не остался в стороне от религиозных дебатов в Риме, однако он выступил на стороне Симмаха [Lib. Pont. 53.5]. Эти эпизоды отражают еще одну причину выбора в качестве послов на Восток именно названных сенаторов. Они прекрасно могли лавировать между враждующими группировками в условиях религиозной социальной напряженности. Умение, столь необходимое для построения политической карьеры в Риме, могло пригодиться в дипломатическом общении с Константинополем.

В переговорах с императором Юстином I в конце 525–526 гг. принимали участие папа Иоанн, а также епископы Евсевий Фенестрийский, Сабин Кампанийский и «два других» неизвестных нам епископа, а также сенаторы Флавий Инпортун, Теодор, Агапит и Агапит [Anon. Val. XV.90]. Некоторых участников этого посольства трудно идентифицировать. В начале VI в. в политических кругах Рима были известны два Агапита — патриций, упоминаемый источниками в 525–526 гг., и консул 517 г. [Martindale, 1980, p. 30–32, sv. Agapitus 3 и 2]. По-видимому, именно они и отправились в Константинополь. Согласно «Prosopography of the Later Roman Empire», один из них известен только благодаря участию в посольстве [Ibid.]. Он умер весной 526 г. в Фессалонике, на обратном пути из Константинополя [Anon. Val. XV.90–1]. Чуть больше в источниках сохранилось подробностей жизни второго Агапита. До начала своей политической карьеры он был далек от общественных дел [Ennod. Ep. IV.6]. В 502/503 г. Агапит получил должность при дворе Теодориха, с 503 по 508 гг. проживал в Равенне, затем с сентября 508 г. по август 509 г. занимал должность *praefectus Urbis Romae*, а также консулат на Западе в 517 г. [CIL X.1347]. В 511 г. он стал *magnificus patricius* [Coll. Avell. 228]. После окончания своей префектуры Агапит, по-видимому, проживал в Риме, где участвовал в рассмотрении дела, по которому Теодор и Инпортун, его будущие коллеги по посольству, были обвинены в разжигании беспорядков против партии зеленых [Cass. Var. I.27]. С церковными делами Агапит оказался связан еще с 520 г., когда его посланник посетил Константинополь с письмом от папы Гормизда [Coll. Avell. 528]. Апогеем его политической карьеры стало участие в посольстве 525–526 гг., отправленном Теодорихом в восточную столицу для отстаивания перед константинопольским патриархом и императором прав ариан в Италии [Anon. Val. XV.90–1]. Несмотря на неудачу миссии — арианам не были возвращены их церкви, отданные католикам, а участники посольства утратили расположение короля², — выбор Теодориха понятен: у образованных и искушенных в политических делах аристократов

² «Когда [императору] было передано содержание посольских поручений, он обещал все исполнить, но никоим образом не мог он примирившихся [еретиков], которые предали себя вере католической, возвратить арианам... И вот, папа Иоанн вернулся от Юстина. Теодорих принял его без радости и сообщил ему, что тот у него в немилости» [Anon. Val. XV.91; 93].

было больше шансов заслужить благосклонность восточного императора, чем у государственных служащих, не имевших высоких титулов и навыков ведения переговоров.

Наконец, посольство 546–554/558 гг., которое точнее было бы назвать бегством сенаторов из Рима. После сдачи города готскому правителю Тотиле некоторым из сенаторов удалось бежать в Константинополь. О деталях этих событий повествуют два кратких сообщения. В *Liber Pontificalis* содержится следующая запись: «Тогда некоторые из сенаторов, Цетег, Альбин и Василий, бывшие консулы и патриции, бежали и отправились в Константинополь и предстали перед императором в страданиях и опустошении. Император утешил и обогатил их, как подобает консулам Рима» (*Tunc quidam de senatoribus fugientes, Citheus, Albinus et Basilius patricii exconsules, ingressi sunt Constantinopolim et prestanti ante imperatorem adflicti et desolati. Tunc consolatus est eos imperator et ditavit eos, sicut digni erant consules Romani*) [Lib. Pont. LXI]. Прокопий Кесарийский сообщает об этом так: «Из патрициев же Деций и Василий с некоторыми другими <...> смогли бежать с Бессом. Максим же, Олибрий, Орест и некоторые другие бежали в храм апостола Петра» (τῶν δὲ Πατρικίων Δέκιος τε καὶ Βασίλειος ξὺν ἑτέροις τισὶν <...> ξὺν τῷ Βέσσῳ φυγεῖν ἴχυσαν. Μάξιμος δὲ καὶ Ὀλὺβριος καὶ Ὀρέστης, καὶ τινες ἄλλοι ἐς τὸν Πέτρου τοῦ ἀποστόλου νεὸν ἔφυγον) [Proc. Caesar. De Bello Gothico, CSHB, Vol. 2, p. 363]. Вопрос о личностях бежавших вызвал дискуссию в литературе [Cameron, Schauer, p. 130–131], однако, на наш взгляд, в восточную столицу прибыли сенаторы Руфий Петроний Никомах Цетег, консул 504 г., патриций (примерно с 512 г.) и *caput senatus* с 545 г. [Martindale, 1980, p. 281–282, sv. Fl. Rufius Petronius Nicomachus Cetegus], Цецина Деций Фауст Альбин, патриций и консул 493 г. [Ibid., p. 51–52, sv. (Faustus?) Albinus iunior], Аниций Фауст Альбин Василий, консул 541 г. [Martindale, 1992, p. 174–175], и Деций, патриций и консул 529 г. [Ibid., p. 391, sv. Decius I].

Аристократы, искавшие помощи у императора Юстиниана в отвоевании Италии у готов, вынуждены были принять участие в споре о Трех главах и присутствовать на V Вселенском соборе. Искушенность сенаторов в политических интригах поспособствовала формальному признанию требований императора римским престолом. Юстиниан использовал красноречие Цетега в переговорах с папой Вигилием, когда сама возможность их благоприятного исхода оказывалась под угрозой³.

Анализ сенаторских посольств в Константинополь позволяет высказать ряд наблюдений. Для наиболее значимых миссий выбирались послы, имевшие ранг не ниже *inlustris*. Посольства, возглавляемые аристократами, часто имели несколько целей — политическую и религиозную, — хотя официально зачастую декларировалась лишь последняя. Более того, сенаторское посольство должен был возглавлять человек, имевший минимум один из следующих

³ Юстиниан привлекал Цетега к спорам об осуждении Трех глав с 15 августа 550 г. по 14 мая 553 г. [подробнее см.: Mansi IX. 363; 357; 50; 197; 347].

титолов — *inlustris, exconsul ordinarius, caput senatus, patricius*. Наличие же должности, например, *magister officiorum, quaestor sacri palatii* или *praefectus Urbis Romae* давало дополнительное преимущество при назначении. Высокие титулы, ранги и должности послов свидетельствовали о значимости поручаемой им миссии.

Само участие в посольстве не давало оснований для получения ранга *patricius*⁴. Многие аристократы обладали им — из 11 участников упомянутых выше посольств его имели 8 человек. В бегстве в 546 г. принимали участие 4 патриция. У нас нет данных об участии этих аристократов в международных делах до их поездки в Константинополь. Только уже названный Василий занимал должность ординарного консула на Востоке в 541 г. Следовательно, они не могли получить титул в связи с предстоящей миссией. Напротив, все из 4 беглецов были патрициями задолго до 546 г. Кроме того, значительная часть всех упомянутых выше аристократов получила титул *patricius* еще до участия в посольствах (как минимум 5 сенаторов из 11). Стоит также отметить, что титулы, которые были важны во внутривластной жизни, не имели самостоятельного значения в международных делах.

Выводы

Сенаторские посольства в Константинополь, преследовавшие религиозные и политические цели, приобретали огромное значение для налаживания дипломатического общения между Востоком и Западом в тот период, когда перекраивалась политическая карта Европы, а внутри христианской церкви шли острые дискуссии. Вовлеченность в международные дела, в свою очередь, повышала авторитет представителей Рима и Равенны в Константинополе. Западные послы времени правления королей Одоакра и Теодориха, будучи обладателями титулов патриция, *caput senatus* и ранга *vir inlustris*, имели высокий социальный статус, что ставило их на один уровень с константинопольскими «дипломатами». Решающими доводами при назначении в посольство были опыт участия в переговорах и риторическая подготовка. Дополнительным же аргументом при выборе посланников выступало исповедование нобиями христианства в католическом варианте, а не в арианском, которого придерживались готы.

С одной стороны, патриции становились акторами политического и дипломатического общения Запада и Востока по воле императоров или королей. Посольские функции они исполняли лишь в качестве дополнения к своим основным обязанностям при дворе или в Риме, где они занимали финансовые или административные посты. В дипломатической деятельности аристократов, на первый взгляд, в большей степени было заинтересовано именно государство, а не сами сенаторы. Римские нобии, оказавшись по делам на Востоке,

⁴ Тезис вызвал дискуссию в литературе [см.: Gillett, p. 185–187; Mathisen, 2012, p. 233; 1986]. О функциях патрициев см.: [Barnes, 1975; Brassloff; Ensslin].

продолжали придерживаться независимой позиции и не заводили дружеских или родственных связей с константинопольскими аристократами.

С другой стороны, именно посольские миссии, помогавшие постоянно поддерживать контакты с Византией, подспудно оказались жизненно важными для самих нобилей. Регулярное взаимодействие с Константинополем, установившееся в конце V — начале VI в., дало возможность части *ordo senatoribus* после осады города Тотилой в 546 г. спастись в восточной столице, избежав смерти. Хотя их прием Юстинианом I и был скорее похож на пленение, временное пребывание в Константинополе позволило выжить некоторым представителям римской аристократии, а впоследствии даже вернуться в Италию.

Источники

- Amm. Marc. — Ammiani Marcellini rerum gestarum libri quae supersunt. Lipsiae, 1875.
- Anon. Val. — Anonymus Valesii // Monumenta Germaniae Historica. Auctores Antiquissimi 9 / ed. by Th. Mommsen. Berolini : Apud Weidmannos, 1892.
- Cass. Var. — Cassiodorus. Variae // Monumenta Germaniae Historica. Auctores Antiquissimi 12 / ed. by Th. Mommsen. Berolini : Apud Weidmannos, 1894.
- CIL — Corpus Inscriptionum Latinarum. Vol. I–XVI. Leipzig ; Berlin, 1862–1943.
- Coll. Avell. — Epistolae imperatorum Pontificum aliorum inde ab a. CCCLXVII usque DLIII datae Avellana quae dicitur Collectio. Pars. I–II // Corpus Scriptorem Ecclesiasticorum Latinorum. Vol. XXXV. Prague ; Vienne ; Leipzig, 1895–1898.
- Ennod. Ep. — Ennodius Magnus Felix, Opera omnia / ed. G. Hartell // Corpus scriptorum ecclesiasticorum latinorum. Vol. VI. Wien, 1882.
- Ennod. Paraenesis Didascalica — Magni Felicis Ennodi Opera / ed. by Fr. Vogel. Berolini, 1885.
- Gelas. Ep. — Gelasius I. Epistolae // Patrologiae cursus completes. Series Latina. Vol. 56 / ed. by J. P. Migne. Paris, 1865.
- Leo. Ep. — Leo I Magnus. Epistolae // Patrologiae cursus completes. Series Latina. Vol. 54 / ed. by J. P. Migne. Paris, 1846.
- Lib. Pont. — Liber Pontificalis / ed. L. Duchesne. Paris, 1886. T. 1; 1892. T. 2.
- Mansi IX — Sacrorum Conciliorum Nova Amplissima Collectio. Vol. 9 / ed. J. D. Mansi. Florentiae, 1763.
- Proc. Caesar. De Bello Gothico — Procopius Caesariensis. De Bello Gothico // Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae 41. Vol. 2. Bonn, 1833.
- Theod. Lect. Epit. — Theodori Lectoris Excerpta ex Ecclesiastica Historia // Patrologiae cursus completus. Series graeca. T. 86 / ed. J. P. Migne. Paris, 1860. T. 86.
- Zos. — Зосим. Новая история / пер. Н. Н. Болгова. Белгород : Изд-во Белгор. гос. ун-та, 2010.

Исследования

- Ведешкин М. А. Языческая оппозиция христианизации Римской империи (IV–VI вв.). СПб. : Алетейя, 2018.
- Грацианский М. В. Каноническая позиция папства в деле патриарха Акакия Константинопольского // Античная древность и средние века. 2015. Т. 43. С. 53–72.
- Дворецкая И. А. Организация управления в Остготском королевстве // Византийский вестник. 1962. Т. XXI (46). С. 19–20.
- Пикин А. В. К вопросу о типологии посольских миссий в V веке // Научные ведомости Белгородского государственного университета. История. Политология. 2016. Вып. 38. № 8. С. 38–43.

Чекалова А. А. Сенат и сенаторская аристократия Константинополя. IV — первая половина VII века. М. : Наука, 2010.

Чекалова А. А. Выходцы с Запада в ранневизантийском обществе // Российское византиноведение: традиции и перспективы : тез. докл. XIX Всерос. науч. сессии византинистов. Москва, 27–29 января 2011 года. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2011. С. 218–220.

Шкаренков П. П. Римская традиция в варварском мире. Флавий Кассиодор и его эпоха. М. : РГГУ, 2004.

Alföldi A. A. Conflict of Ideas in the Late Roman Empire, the Clash between the Senate and Valentinian I. Oxford : The Clarendon Press, 1952.

Arnheim M. The Senatorial Aristocracy in the Later Roman Empire. Oxford : The Clarendon Press, 1972.

Arnold J. J. Theoderic and Rome: Conquered but Unconquered // *Antiquité Tardive*. 2017. № 25. P. 113–126.

Barnes T. D. Constantine and Eusebius. Cambridge ; London : Harvard Univ. Press, 1981.

Barnes T. D. Patricii under Valentinian III // *Phoenix*. 1975. № 29. P. 155–170.

Brassloff S. Patriciat und quaestur in der römischen Kaiserzeit // *Hermes*. 1904. № 30. S. 618–629.

Cameron A. L., Schauer D. The Last Consul: Basilius and his Diptych // *The Journal of Roman Studies*. 1982. № 72. P. 126–145.

Ensslin W. Die konstantinische Patriziat und seine Bedeutung im 4. Jahrhundert // *Melanges Bidez*. 1934. № 2. S. 361–376.

Gillett A. Envoys and Political Communication in the Late Antique West, 411–533. Cambridge ; New York : Cambridge Univ. Press, 2003.

Humphries M. Valentinian III and the City of Rome (AD 425–55): Patronage, Politics, and Power // *Two Romes: Rome and Constantinople in Late Antiquity* / ed. by L. Grig, G. Kelly. New York : Oxford Univ. Press, 2012. P. 161–182.

Jones A. H. M. The Later Roman Empire, 284–602: A Social, Economic and Administrative Survey. Oxford : Basil Blackwell, 1964. Vol. 2.

Lenski N. Failure of Empire. Valens and the Roman State in the Fourth Century A.D. Berkeley ; Los Angeles ; London : Univ. of California Press, 2002.

Martindale J. R. The Prosopography of the Later Roman Empire. Vol. II : AD 395–527. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1980.

Martindale J. R. The Prosopography of the Later Roman Empire. Vol. III : AD 527–641. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1992.

Mathisen R. W. Patricians as Diplomats in Late Antiquity // *Byzantinische Zeitschrift*. 1986. № 79. P. 35–49.

Mathisen R. W. Patricii, Episcopi, et Sapientes: Le Choix des Ambassadeurs Pedant L'Antiquité Tardive dans L'Empire Romain et les Royaumes Barbares // *Ambassadeurs et ambassades au cœur des relations diplomatiques* / ed. A. Becker-Piriou, N. Drocourt. Metz : Presses univ. de Lorraine, 2012. P. 227–238.

Nechaeva E. Embassies — Negotiations — Gifts: Systems of East Roman Diplomacy in Late Antiquity. Stuttgart : Franz Steiner Verl., 2014.

O'Donnell J. J. Cassiodorus. Berkeley ; Los Angeles : Univ. of California Press, 1979.

O'Donnell J. J. Liberius the Patrician // *Traditio*. 1981. Vol. 37. P. 31–72.

Thompson E. A. The Historical Work of Ammianus Marcellinus. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1947.

References

Alföldi, A. A. (1952). *Conflict of Ideas in the Late Roman Empire, the Clash between the Senate and Valentinian I*. Oxford: The Clarendon Press.

Arnheim, M. (1972). *The Senatorial Aristocracy in the Later Roman Empire*. Oxford: The Clarendon Press.

- Arnold, J. J. (2017). Theoderic and Rome: Conquered but Unconquered. *Antiquité Tardive*, 25, 113–126.
- Barnes, T. D. (1975). Patricii under Valentinian III. *Phoenix*, 29, 155–170.
- Barnes, T. D. (1981). *Constantine and Eusebius*. Cambridge; London: Harvard University Press.
- Brassloff, S. (1904). Patriciat und quaestur in der römischen Kaiserzeit. *Hermes*, 30, 618–629.
- Cameron, Al., & Schauer, D. (1982). The Last Consul: Basilus and his Diptych. *The Journal of Roman Studies*, 72, 126–145.
- Chekalova, A. A. (2010). *Senat i senatorskaia aristokratia Konstantinopolia IV – pervaiia polovina VII veka* [The Senate and the Senatorial Aristocracy of Constantinople 4th – First Half of 7th Centuries]. Moscow: Nauka.
- Chekalova, A. A. (2011). Vykhodtsy s Zapada v rannevizantiiskom obshchestve [Natives of the West in Early Byzantine Society]. In *Rossiiskoe vizantinovedenie: Traditsii i perspektivy: tezisy dokladov XIX Vseros. nauch. sessii vizantinistov* [Russian Byzantine Studies: Traditions and Prospects. Abstracts of All-Russian Scholarly Session of Byzantinists] (pp. 219–220), Moscow: Moscow University Press.
- Dvoret'skaya, I. A. (1962). Organizatsiya upravleniya v Ostgot'skom korolevstve [The Organisation of Management in the Ostrogothic Kingdom]. *Vizantiiskiy vremennik*, XXI (46), 19–20.
- Ensslin, W. (1934). Die konstantinische Patriziat und seine Bedeutung im 4. Jahrhundert. *Melanges Bidez*, 2, 361–376.
- Gillett, A. (2003). *Envoys and Political Communication in the Late Antique West*, 411–533. Cambridge; New York: Cambridge University Press.
- Gratsianskiy, M. V. (2015). Kanonicheskaya pozitsiya papstva v dele patriarkha Akakiya Konstantinopol'skogo [Canonical Position of the Papacy in the Case of Patriarch of Constantinople Acacius]. *Antichnaia drevnost' i srednie veka*, 43, 53–72.
- Humphries, M. (2012). Valentinian III and the City of Rome (AD 425–55): Patronage, Politics, and Power. In L. Grig, & G. Kelly (Eds.), *Two Romes: Rome and Constantinople in Late Antiquity* (pp. 161–126). New York: Oxford University Press.
- Jones, A. H. M. (1964). *The Later Roman Empire, 284–602: A Social, Economic and Administrative Survey* (Vol. 2). Oxford: Basil Blackwell.
- Lenski, N. (2002). *Failure of Empire. Valens and the Roman State in the Fourth Century A.D.* Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press.
- Martindale, J. R. (1980). *The Prosopography of the Later Roman Empire. Vol. II. AD 395–527*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Martindale, J. R. (1992). *The Prosopography of the Later Roman Empire. Vol. III. AD 527–641*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Mathisen, R. W. (1986). Patricians as Diplomats in Late Antiquity. *Byzantinische Zeitschrift*, 79, 35–49.
- Mathisen, R. W. (2012). Patricii, Episcopi, et Sapientes: Le Choix des Ambassadeurs Pedant L'Antiquité Tardive dans L'Empire Romain et les Royaumes Barbares. In A. Becker-Pirou, & N. Drocourt (Eds.), *Ambassadeurs et ambassades au cœur des relations diplomatiques* (pp. 227–238). Metz: Presses universitaires de Lorraine.
- Nechaeva, E. (2014). *Embassies – Negotiations – Gifts: Systems of East Roman Diplomacy in Late Antiquity*. Stuttgart: Franz Steiner Verlag.
- O'Donnell, J. J. (1979). *Cassiodorus*. Berkeley; Los Angeles: University of California Press.
- O'Donnell, J. J. (1981). Liberius the Patrician. *Traditio*, 37, 31–72.
- Pikin, A. V. (2016). K voprosu o tipologii posol'skikh missiy v V veke [On the Typology of Embassy Missions in the 5th Century]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorika. Politologiya*, 38, 8, 38–43.
- Shkarenkov, P. P. (2004). *Rimskaya traditsiya v varvar'skom mire. Flavij Kassiodor i ego epokha* [Roman Tradition in the Barbarian World. Flavius Cassiodorus and His Age]. Moscow: RGGU.

Thompson, E. A. (1947). *The Historical Work of Ammianus Marcellinus*. Cambridge: Cambridge University Press.

Vedeshkin, M. A. (2018). *Iazycheskaia oppositsiia khristianizatsii Rimskoi imperii: IV–VI vv.* [The Pagan Opposition to the Christianisation of the Roman Empire: 4th–6th Centuries]. Moscow: Aleteia.

Зайцева Евгения Сергеевна

аспирант кафедры истории
Древнего мира и Средних веков
Уральский федеральный университет
620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51
E-mail: zajceva-evgeniya@list.ru

Zaitseva, Evgeniya Sergeevna

Postgraduate Student
Department of the History
of the Ancient World and the Middle Ages
Ural Federal University
51, Lenin Ave., 620000 Yekaterinburg, Russia
Email: zajceva-evgeniya@list.ru
ORCID: 0000-0001-7627-8832